

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ

УДК 82.09:140.8

Н.М. РАКОВСКАЯ,
*кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой мировой литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова*

СТРУКТУРИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматриваются теоретические проблемы литературной критики. Делается акцент на системно-целостном подходе к структуре критического текста. Структура текста характеризуется диалогичностью, обусловленной культурной парадигмой времени.

Ключевые слова: критика, система, интерпретация, полемика, диалог.

Последние десятилетия характеризуются появлением серьезных исследовательских работ в области теории и истории литературной критики. Достаточно назвать работы Р. Громяка, М. Зубрицкой, Б. Егорова, С. Яковенко [3; 4; 5; 11]. Изучение предмета, природы, функций литературной критики позволяет поставить вопрос об особенностях ее интерпретации. Заметим, что научная рефлексия осуществляет две цели: помогает понять предмет соответствующей науки и усовершенствовать инструментарий данной области знаний, «морфологию» науки. Очевидно, что интерпретация должна быть направлена на доказательство системности литературной критики. Достаточно вспомнить роль теорий амбивалентности, полифонии и монологичности, оказавшихся значимыми для интерпретации не только художественного, но и критического текста. Вопрос о предмете критики сливается, в сущности, с вопросом о её функциональной природе, и при уяснении закономерностей становления и развития литературной критики как системы, он является едва ли не ключевым. В связи с этим необходимо четкое понимание, для чего и во имя чего мы используем традиционные методы анализа или такие инструментарии, как теория информации и систем, рецептивная эстетика, философская антропология и т. д. Результативность в понимании литературной критики как системы возможна тогда, когда каждый этап в развитии критической рефлексии и каждый критический текст будут осмысливаться с точки зрения структурных элементов и их связей.

Понятие системы в данном контексте следует понимать как комплекс взаимодействующих элементов, условно называемых концептами. Отношения, существующие между концептами, образуют структуру системы. Совокупность элементов, связанных структурными отношениями, как нам представляется, дает субстрат системы. Об этом свидетельствует современная модель литературной критики, широко использующая философское, психологическое знание. Не случайно множественные дискурсивные практики, прежде всего зафиксировали Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида и др. Вместе с тем критический дискурс связан с коммуникативно-рецептивными факторами и социокультурными аспектами, о чем неоднократно писал М. Бахтин.

Системность литературной критики обнаруживается в единстве объективного и субъективного начал, соединении художественной интуиции со способностью к логическому анализу. Интуиция как высшее напряжение человеческого духа чаще всего первична в литературно-критическом сознании. Как отмечают исследователи, подкрепляя и корректируя интуицию, литературно-критическая логика (рассудительность) неизбежно вступает с ней в драматически сложные отношения, интуиция предопределяет логику, логика же, при всем чрезвычайном усердии и убедительности, не в состоянии объять интуицию, исчерпывая её «озвучить» и объяснить [5; 7].

Возможно, что на первом этапе оценки литературная критика интуитивно осмысливает текст, выявляя историко-культурные коды, на втором – изучает и анализирует текст, учитывая философские и эстетические контакты и литературную память, заключенную в нем. В таком случае литературная критика рассматривается в её специфической функции эстетического созидания. Актуализация поэтико-ментальных состояний дает возможность выделить в логоцентрическом тексте критики иной текст, относительно самостоятельный. Взаимосвязи художественного текста с литературно-критическим создают особую модель мира. Постижение художественного литературной критикой осуществляется на уровне контекста, типологических связей, культурно-исторических и символических смыслов, интерпретаций, позволяющих вывести текст критики в ценностное поле «большого времени». В указанном аспекте мир воспринимается как фундаментальное духовно-органическое целое (М. Бахтин). Существенно важна и индивидуальная, мирозерцательная концепция, ибо самосознание человека как личности определяется не индивидуальными особенностями, отличающими его от всеобщего, а соотносительностью и выражением всеобщего (В. Горский).

В таком ракурсе критический текст следует рассматривать как метатекст, имеющий свою научную парадигму. Вместе с тем сразу заметим, что системно рассмотреть эту парадигму как относительно самостоятельное научное знание весьма сложно, ибо оно является синкретическим (объединяет науку, философию и творчество). Думается, что метатекст – это в то же время имплицитный критический текст, определяющий условия, условности «характер самого общения, внутренние комментарии в процессе написания данного текста» (К. Штайн) [10, с. 48].

Для осуществления взаимосвязи различных элементов критического текста, на наш взгляд, необходимы следующие инструментари: во-первых, выбор исходной позиции, т. е. определение исходной установки, принципов, направление анализа и его исходной парадигмы (предварительной, предположительной, исходной концепции смысла предмета, которая подтверждается или опровергается дальнейшим его исследованием); во-вторых, приближение к объекту исследования до непосредственного «соприкосновения» с ним; в-третьих, проникновение, т. е. движение внутрь исследуемого предмета, вычленение его структурных элементов, внутренних связей; в-четвертых, обретение целостного взгляда на предмет исследования путем синтеза и обобщения результатов, полученных на предшествующих этапах анализа.

Данные взаимосвязи в структуре текста позволяют выделить следующие уровни:

Первый уровень – «Я+Я» – внутренние коммуникации личности критика, определяемые его противоречивостью, культурным табу, подсознанием.

Второй уровень – «Я+ТЫ» – общение критика с читателем.

Третий уровень – «Я+ВЫ» – взаимоотношение критика с автором.

Четвертый уровень – «Я+ВСЕ» – общение критика с миром, создание собственной модели мира.

В таком плане критический текст представляет собой гомогенный контекст с несколькими темами, денотативным ядром которых является полемика, осуществляемая в ходе диалога. Смысловые связи обуславливают структуру текста и указывают на его целостность и завершенность. Интерпретация смысла критического текста определяется оппозицией полемизирующих сторон. Каждый структурный элемент способствует восприятию и пониманию критического текста в зависимости от возможности критика пробудить чувства и эмоции, вызвать эмоционально-эстетическую реакцию реципиента, дать этико-эстетическую оценку ситуации.

В пространстве текста в этом плане особую значимость приобретают границы полемики. «Полемика», как и всякий другой термин, видимо, должен быть оценочно нейтральным по отношению к объекту. Этому может способствовать рассмотрение функциональных возможностей явления, обозначаемого этим термином, его генетических связей с культурой и т. д. Более того, полемика обнажает, во-первых, тот смысл произведения, который критик представляет себе наиболее существенным, во-вторых, определяет его собственную личностную позицию.

Интерпретация-полемика может вестись как с современниками (синхронный аспект), так и с предшественниками (диахронный аспект). Благодаря полемике преодолевается самозамкнутость единичной критической рефлексии, мнение критика о факте литературы вступает во взаимодействие с суждениями предшественников и оказывается одним из них в многоголосье культур. Диалоги, куда включаются голоса оппонентов (по определению М. Бахтина – «голоса сознания» [1, V, с. 270]) в пределах статьи служат выражением полемической позиции ее автора.

В таком случае критик оказывается одновременно и демиургом своего читателя-собеседника и реальным лицом, осуществляющим диалог с носителем иного сознания.

Читатель, воссоздаваемый в контексте критической статьи, так сказать, основной объект общения критика, его конструируемый адресат, функционально замещает реального читателя. Кроме читателя, тем или иным способом обозначенного или отмеченного в критическом произведении, у литературного критика могут быть иные, периферийные адресаты или корреспонденты. Вероятно, на первом месте здесь окажутся «инакомыслящие», с которыми критик вступает в полемику. Диапазон полемических контрагентов достаточно широк, многообразен и колеблется от конкретного индивидуального лица до обобщенного внеличного оппонента.

Иногда становясь самоцелью, полемика затмевает сущность дискуссии, т. е. анализ художественного явления. Возникает проблема сопротивления художественного текста тексту критической статьи. (В. Изер назвал эту проблему «инаковостью текста»). Но в своей основе полемические фрагменты функционируют как элементы литературно-критического текста и могут рассматриваться только в составе целого. Как правило, полемика связана с социокультурными пристрастиями критика, со степенью его владения словом и, наконец, с персониферой. Важно учесть и тот фактор, благодаря которому возникла полемика. Она может быть задана по авторской воле, либо возникнуть спонтанно, на «стыке» мнений. В зависимости от данного фактора в тексте реализуется полемическая направленность. Личностный аспект отражает не только характер обращения к оппоненту, но и то, как подписана статья (фамилия, псевдоним или криптоним, ссылка на коллективную позицию, скажем, редакции журнала и т. д.).

Заметим, что исследователи теории литературной критики неоднократно отмечали обращенность критического высказывания к адресату, но рассматривали её как проявление публицистического начала, жанрового своеобразия или черту мировосприятия критика. Такая постановка проблемы свидетельствует о том, что вопрос о диалогической природе литературной критики оказывается производным от других проблем или подчиненных им. Между тем специфика литературно-критических суждений, как представляется, состоит именно в том, что анализ и оценка художественных текстов совершаются в процессе диалога с читателем, и не существуют независимо от него. Аппеляция к читателю – здесь момент обязательный, смысло- и сюжетообразующий. В движении мысли критика, где логические построения дополняются доказательствами особого рода (ассоциации критика рождают встречные ассоциации читателя, в какой-то мере неподвластные критике), где фрагменты статьи могут жить по законам художественной образности, но их включение в целое определяется логическими связями, а не законами целостного художественного мира, происходит синтез научного и художественного типов мышления. Проблемная ситуация, предлагаемая критиком читателю, разрешается в единстве взаимодействий указанных компонентов, по-разному предстающих в сюжетах критического текста. Здесь значимой является теория высказывания, разработанная М. Бахтиным. Высказывание им понимается как единица речевого общения; границы высказывания «определяются сменой речевых субъектов, т. е. сменой говорящих» [1]. Существенный признак высказывания – его

обращенность к кому-либо, т. е. адресованность. В отличие от значащих единиц языка – слова и предложения, – которые безличны, никому не адресованы, высказывание имеет автора и адресата. В разнообразии типических форм высказывания М. Бахтин выделяет две большие группы: первичные речевые жанры-реплики диалога, письма, (их адресованность очевидна) и вторичные, которые вбирают в себя первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Думается, что к вторичным речевым жанрам можно отнести и критический текст, ибо согласно М. Бахтину, высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается. Роль *других*, для которых строится высказывание, исключительно велика [1]. Более того, М. Бахтин вводит диалог в систему коммуникативных процессов, связанных с самооткровением личности (мысль о Боге в присутствии Бога). В связи с этим исследуется «двухсторонний акт» познания – проникновения, «активность познающего» и «активность открывающего», в результате возникает емкое понятие «диалогичность». Н. Шляхова указывает, что «сама діалогічністю називає Бахтін активність авторську, спрямовану не на мертвий, безголосий об'єкт, а на чужу живу самодостатню свідомість» [9, с. 21]. Вследствие этой идеи литературно-критический текст можно исследовать как выразительное бытие. «Выражение» рассматривается как «поле встреч» двух сознаний: автора и читателя. Более того, литературно-критический текст представляет и сложное культурное образование, в результате чего возникают различные формы речевого общения (писатель-критик, критик-читатель и др.).

В современном литературоведении утвердилась мысль о разграничении адресата в литературной критике (воображаемого, имплицитного, внутреннего читателя) и реального (публика). М. Зубрицкая отмечает, что именно категория читателя оказалась сегодня в поле зрения всех литературоведческих школ, став пунктом пересечения «найоригінальніших літературних ідей у літературно-критичній думці ХХ ст.» [4].

При терминологических различиях принцип разграничения адресата в работах литературоведов в основном совпадает. Например, Л. Чернец, М. Науман указывают, что понятие «адресата» используется при анализе критикой творческого процесса, а также завершенной структуры художественного текста, ибо рассматривается как воплощение определенной программы воздействия [8]. Представители рецептивной эстетики, в частности, Г.-Х. Яусс, В. Изер отмечали необходимость рассмотрения критического текста под углом зрения воздействия на адресата и соответственной оппозиции воздействия и восприятия. В. Изер указывает, что «теория воздействия имеет свои корни в тексте, а теория восприятия вырастает из истории суждений читателя» [6]. Диалог также связан с системой классификации реципиентов, в которой, с точки зрения А. Белецкого первыми идут воображаемые собеседники. Думается, что наилучшим доказательством служат статьи Н.Г. Чернышевского «Русский человек на *tendes-vous*», А. Дружинина «Метель», «Два гусара» Л. Толстого. Воображаемый читатель является фактором сюжетобразующим. Представляется, что за воображаемыми читателями следуют читатели реальные, определяющие задачи критика, прежде всего полемические. Укажем здесь статьи В. Белинского «Герой нашего времени», Ап. Григорьева «И.С. Тургенев и его деятельность. (По поводу романа «Дворянское гнездо»)». М. Бахтин, рассматривая высказывание как общение, также отмечал, что в отличие от действительной критики, слушатель влияет на форму, стиль текста. «Автора, героя и слушателя мы берем вне художественного текста, а лишь, поскольку они входят в самое восприятие...» [1].

Однако в литературно-критическом тексте критик не только связан с читателем, но и корректирует его. В этом плане любопытно введение рецептивной эстетикой и критикой понятия «горизонт ожидания», характерное для герменевтики как теории понимания, где ситуация общения является одновременно и коррекцией собственного сознания [2].

Вместе с тем, в такой ситуации часто возникает парадокс: единичный, индивидуальный критический опыт приходит в столкновение с неисчерпаемостью смыслов художественного произведения. Так происходит в статье Ап. Григорьева «И.С. Тургенев и его деятельность. (По поводу романа «Дворянское гнездо»)». Критик делает акцент на идиличности как особой структуре романов И. Тургенева и И. Гончарова. Безусловно, акцент не случаен, он отражает «органическую» теорию искусства критика. Иные жанровые моди-

фикации вообще не рассматриваются. Однако парадокс в том, что чем полнее текст художественного произведения представлен в статье, тем более ощутимо в ее сюжете «отчетное», не зависящее от стремления критика, движение художественной мысли. Столь интенсивное, корректирующее трактовку «обратное влияние» художественного текста на критический текст характерно для В. Белинского, Ап. Григорьева, В.В. Розанова и объясняется особенностью их рефлексии. Для данного типа критики модель читателя конструируется. Ее функция определяется наиболее значимыми для критика задачами. Скажем, необходимостью дать представление о литературных направлениях (В. Белинский), либо жанровых тенденциях, в соответствии с личностным сознанием (Ап. Григорьев), либо условности транссубъективной теории восприятия человека и мира (В. Розанов) и т. д.

Диалогичность критической статьи позволяет создать различные ситуации. Во-первых, «двух лиц беседующих» как равных: «Припомните вместе со мною, мой читатель, каким образом нас воспитывали и учили»; во-вторых, читатель наделяется маской (например: «профан» в журнальных заметках Н.К. Михайловского – тип заурядного читателя, последователь пушкинского Феофилакта Косичкина; в-третьих, возникают читатели-персонажи (характерно для теории искусства Н. Надеждина, К. Полевого и т. д.). В случае создания молчаливого собеседника – собирательного читателя, диалог с ним уподобляется монологической речи с вкраплениями стиливых фигур (посмотрим, известно ли Вам, добрые, знающие читатели и т. п.). Присутствие читателя может осуществляться и введением цитат, цель которых – отразить экспрессивное (эмотивное, по определению М. Бахтина) состояние автора статьи; при этом образуется особый микросюжет, в котором, как правило, формулируется основная концепция критика. М. Бахтин указывал: «в ...статье, где приводятся чужие высказывания по данному вопросу различных авторов, одни для опровержения, другие – наоборот, для подтверждения и дополнения, перед нами случай диалогического взаимоотношения... Отношения согласия – не согласия, утверждения-дополнения, вопроса-ответа и т. п. чисто диалогические отношения, притом, конечно, не между словами, предложениями или иными элементами одного высказывания, а между целыми высказываниями» [1, с. 218]. Эти явления особенно характерны для литературной критики XIX в., ибо выбор точки зрения моделируемого читателя был не менее значим, чем выбор текста для анализа и часто связывался с временными конфликтами и отношениями. Скажем, в статье Н.К. Михайловского «Жестокый талант» внутренняя полемика с шестидесятниками отражает взгляды критиков разных эпох на творчество Ф.М. Достоевского. Возможность разночтений между автором, критиком и читателем, как правило, возрастает и при интерпретации сложных противоречивых явлений литературного процесса или остро проблемных произведений (например, статьи Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях в русской литературе», В. Розанова «Три фазиса развития русской критики», в которых определяются принципиально новые подходы к литературному процессу предшествовавшей эпохи. Вместе с тем для Д. Мережковского писатели XIX в. стали «вечными спутниками», позволившими ему сформулировать метод субъективно-художественной критики, для Вл. Соловьева ведущим явилось философско-религиозное критическое знание (царь, пророк, священник), вводимое в систему мистических построений, для А. Волынского – богофильское и богословское начало стало определяющим в его концепции символистской поэтики, т. е. возникают новые оптические возможности использования диалога [12].

Таким образом, интерпретация литературной критики способствует постижению ключевых знаков в его семантическом пространстве, связи между полемикой и диалогом, культурным кодом текста и коммуникативно-рецептивными процессами. Совокупность данных связей свидетельствует о том, что литературная критика является не только частью литературоведения, но и определенной самостоятельной системой.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. Проблемы речевых жанров / М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. – Т. 5. – М.: Русские словари. – С. 160–286.
2. Гадамер Г. Истина і метод / Г. Гадамер. – К.: Юніверс, 2000. – 464 с.
3. Гром'як Р. Історія української літературної критики (від початків до кінця XIX ст.) / Р. Гром'як. – Тернопіль: Підручники і посібники, 1999. – 223 с.

4. Зубрицкая М. Homo legens. Читання як соціокультурний феномен / М. Зубрицкая. – Львів.: Літопис, 2004. – 349 с.
5. Егоров Б. От Хомякова до Лотмана / Б. Егоров. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 367 с.
6. Ізер В. Процес читання, феноменологічне наближення / В. Ізер // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. – Львів: ЛНУ, 2002. – С. 349–368.
7. Саготовский В. Триада бытия / В. Саготовский. – СПб.: Изд. дом С.-Петербур. госун-та, 2006. – 125 с.
8. Чернец Л. «Как слово наше отзовется...»: судьбы литературных произведений / Л. Чернец. – М.: Высшая школа, 1995. – 279 с.
9. Шляхова Н.М. «Образы «Я» в образах інших людей» (феномен іншості / інакшості в естетиці М. Бахтіна) / Н.М. Шляхова // Теорія літератури. Компаративістика. Україністика: зб. наук. праць з нагоди 70-річчя професора Романа Гром'яка. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2007. – 400 с.
10. Штайн К.Э. Метапоэтика – «размытая» парадигма / К.Э. Штайн // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 41–50.
11. Яковенко С. Романтики, эстети, ніцшеанці. Українська та польська літературна критика раннього модернізму / С. Яковенко. – К.: Інститут критики, 2006. – 295 с.
12. Яусс Г.-Х. К проблеме диалогического понимания / Г.-Х Яусс // Бахтинский сборник. – М., 1997. – Вып. III. – С. 182–197.

У статті розглядаються теоретичні проблеми літературної критики. Акцентується системно-цілісний підхід до структури критичного тексту. Структура тексту характеризується діалогічністю, що обумовлена культурною парадигмою часу.

Ключові слова: критика, система, інтерпретація, полеміка, діалог.

The article considers theoretical problems of literary criticism. Emphasis is laid on the systematic-integral approach to the structure of the critical text. The structure of the text is characterized by dialogicality conditioned by the cultural paradigm of the time.

Key words: criticism, system, interpretation, polemics, dialogue.

Надійшло до редакції 12.07.2011.